

ОБСУЖДЕНИЕ В КОНГРЕССЕ США ВОПРОСА О НЕЙТРАЛИТЕТЕ СССР В ЕВРОПЕЙСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 1939 Г.)

А.Е. Фельдт

Начало Второй мировой войны привело к пересмотру американского законодательства о нейтралитете. На специальной сессии 76-го Конгресса США в октябре—ноябре 1939 г. состоялось длительное обсуждение предлагаемых изменений. Особая роль в дискуссии американских законодателей отводилась обсуждению позиции Советского Союза. Автор рассматривает различные оценки американскими сенаторами и конгрессменами нейтральной позиции СССР осенью 1939 г. в рамках изоляционистских и интернационалистских позиций в американском обществе.

Ключевые слова: Конгресс США, специальная сессия, Вторая мировая война, Закон о нейтралитете, Ф.Д. Рузвельт, Советский Союз, изоляционисты, интернационалисты

The beginning of World War II led to a revision of American neutrality legislation. At a special session of the 76th U.S. Congress in October—November 1939, a lengthy discussion of the proposed changes took place. A special role in the discussion of American legislators was assigned to the discussion of the position of the Soviet Union. The author considers various assessments by American senators and congressmen of the neutral position of the USSR in the autumn of 1939 within the framework of isolationist and internationalist positions in American society.

Key words: U.S. Congress, special session, World War II, Neutrality Act, F.D. Roosevelt, the Soviet Union, isolationists, internationalists

DOI: 10.32608/1010-5557-2023-2023-91-104

Специальная сессия 76-го Конгресса США проходила с 21 сентября по 3 ноября 1939 г. Она была посвящена выработке нового законодательства о нейтралитете, вызванного к жизни резким изменением

Фельдт Алексей Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории. ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова» (г. Архангельск).

внешнеполитической ситуации в связи с началом Второй мировой войны. На совместном заседании сената и палаты представителей 21 сентября 1939 г. перед законодателями с речью выступил Ф.Д. Рузвельт, определив, таким образом, повестку сессии. Характеризуя выступление американского президента, отечественный исследователь В.Л. Мальков отмечает, что «это был мастерски составленный документ», констатирующий, что существующий Закон о нейтралитете, введенный в действие 5 сентября 1939 г., фактически помогает агрессору, и поэтому Соединенные Штаты могут быть втянутыми в войну. Вместе с тем Ф.Д. Рузвельт декларировал преданность общенациональному блоку, ставящему задачу сохранения Америки вне военных действий¹. Президент подчеркнул, ссылаясь на свое январское выступление 1939 г., что «когда мы намеренно пытаемся узаконить нейтралитет, наши законы о нейтралитете могут действовать неравномерно и несправедливо — могут фактически оказывать помощь агрессору и отказывать в ней жертве»².

После длительных дебатов сенат одобрил пересмотр законов о нейтралитете 63 голосами против 30, а палата представителей проголосовала за этот пересмотр 243 голосами против 181. Третьего ноября 1939 г. 55 голосов против 24 в сенате и 243 против 172 в палате представителей был введен принцип «cash and carry»³. Четвертого ноября 1939 г. президент Рузвельт дал распоряжение Таможенной службе США ввести в действие Закон о нейтралитете 1939 г., разрешающий закупки оружия невоюющим странам.

Таким образом, был подписан новый, четвертый после августа 1935 г. Закон о нейтралитете. Одновременно президентской прокламацией он объявил Северную Атлантику зоной боевых действий, в которой запрещалось плавание американских судов. По-прежнему исключалась возможность предоставления займов воюющим странам и передвижение американцев на их судах, но впервые разрешалась продажа американского вооружения воюющим в Европе сторонам, если оно будет заранее оплачено и вывезено на иностранных судах. Конечно, продажа оружия на основе «cash and carry» была выгодным бизнесом, однако большее значение имело стремление поддержать Англию и Францию, победа которых отвечала американским интересам⁴.

В Советском Союзе внимательно следили за ходом дискуссии в Конгрессе США. Д.С. Чувахин, исполняющий на тот момент обя-

¹ Мальков В.Л. Великий Рузвельт. М., 2011. С.337.

² Congressional Record 76.Vol. 85. Pt. 1. Washington (D.C.), 1939. P. 10.

³ Congressional Record 76. Vol. 85. Pt.2. Washington (D.C.), 1939. P. 1356.

⁴ История США: в 4 т. / Редкол.: Г.Н. Севостьянов (гл.ред.) и др. М., 1985. Т. 3 (1918—1945). С. 319.

занности поверенного в делах СССР в США, в письме заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкину от 5 октября 1939 г. подчеркивал антигерманскую направленность инициативы Ф.Д. Рузвельта:

«Борьба, которая сейчас разгорелась в Конгрессе вокруг отмены эмбарго на вывоз оружия, является лишним признаком того, что Рузвельт, боясь поражения англо-французов немцами, что создало бы реальную угрозу интересам США в странах Латинской Америки, решил встать на путь активной помощи Англии и Франции. Ведь то, что сейчас предлагает Рузвельт (пересмотр акта о нейтралитете и эмбарго), это в конце концов направлено против Германии, которая, не будучи в состоянии платить наличными и вывозить на собственных судах, по существу теряет американский рынок»⁵.

Д.С. Чувахин обратил внимание на интересный факт, связанный с развитием советско-германских отношений в сентябре 1939 г. и их влиянием на позицию части сенаторов:

«После заявления Правительств СССР и Германии о том, что в связи с распадом бывшего польского государства они предпримут реальные шаги к прекращению нынешней войны в Европе, некоторые сенаторы, возглавляемые сенатором Джонсоном (нынешний лидер оппозиции), заявили, что самая надежная гарантия для США не быть вовлеченными в европейскую войну — это воспользоваться создавшимся удобным моментом и принять меры, вместе с другими нейтральными державами, к прекращению войны в Европе. Какой успех будет иметь внесенная по этому поводу резолюция в Сенате, сейчас еще сказать трудно. Комментариев этой резолюции еще нет, а печать ограничилась простым сообщением о заявлении Джонсона»⁶.

Конгресс США, имея широкий выход на американское общество, играл немалую роль в формировании представлений американцев о Советском Союзе. Конгрессмены и сенаторы, находясь в определенной зависимости от своих избирателей, выступали не только как выразители их взглядов и интересов, но и как проводники своей собственной точки зрения, основанной на политическом опыте. Все это делало

⁵ Письмо исполняющего обязанности поверенного в делах СССР в США Д.С. Чувахина заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкину о циркулярной ноте Государственного департамента США по вопросу регистрации представителей иностранного правительства в США, 5 октября 1939 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2004. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

законодателей влиятельными фигурами, их высказывания тиражировались парламентской прессой и другими средствами массовой информации. Решения Конгресса оказывали непосредственное воздействие на американское общественное мнение.

В ходе указанных дебатов в сенате и палате представителей звучало немало резких оценок внешнеполитического курса Советского Союза и его внутренней политики. Во многом они были вызваны негативной реакцией на заключение договора о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г., а также вступлением советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г. Но следует учитывать, что в американском общественном мнении на протяжении последнего десятилетия формировался устойчивый интерес к «советскому эксперименту», чему способствовал целый ряд факторов. Во-первых, американцев интересовали экономические и социальные достижения Советского Союза, поскольку собственный опыт «процветания» в 1920-х гг. имел печальные последствия в виде Великой депрессии. Новый курс Ф.Д. Рузвельта, включавший в себя элементы государственного планирования и регулирования экономики, отчасти напоминал им советский опыт. Во-вторых, экономические связи США и СССР, берущие свое начало еще с 1920-х гг., активно развивались в рамках различных форм экономического сотрудничества. В частности, активизировался обмен рабочими и инженерами, что давало возможность многим американцам знакомиться с различными сторонами советской действительности. В-третьих, резко возросшая в период краха американской экономики социальная активность масс усилила в обществе Соединенных Штатов интерес к социалистическим идеям различного толка. «Красные тридцатые» породили не только рост забастовочного движения и серьезное увеличение рядов Коммунистической партии США, но и сильное «полевение» американских интеллектуалов. Многие из них старались осмыслить советский опыт, посещая СССР в качестве туристов или в составе различных делегаций.

Запрос в обществе на информацию об СССР реализовывался, в основном, американской периодикой в рамках трех основных направлений. «Левый» спектр был представлен коммунистической прессой, — такими изданиями, как «The Daily Worker», «The New Masses», и, в частности, троцкистским «Partisan Review». Леволиберальное направление было связано с весьма популярными еженедельниками «The Nation» и «The New Republic». Консервативное же направление, представленное прессой Херста, Скриппс-Говарда, Маккормика и Люса, отличала жесткая оппозиция Новому курсу Ф.Д. Рузвельта и одновременно мощная критика Советского Союза. Именно эти издания оказывали в 1939 г. значительное влияние на формирование американ-

ского общественного мнения о СССР, поднимая в первую очередь вопросы, связанные с заключением Пакта Молотова—Риббентропа от 23 августа 1939 г., началом Второй мировой войны, вступлением советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г., размещением осенью этого же года советских военных баз в прибалтийских странах и началом советско-финской войны.

В то же время, весной 1939 г. в американских средствах массовой информации стали появляться публикации о возможном сближении Советского Союза и Германии. Тревогу вызывал у американцев и затяжной характер переговоров Великобритании, Франции и СССР весной—летом 1939 г., делавший неясной расстановку сил в Европе. Но основной всплеск внимания американского общества к действиям советского государства на мировой арене произошел после 23 августа 1939 г., когда был подписан советско-германский договор о ненападении.

Данное событие взбудоражило различные круги американской общественности, так как Пакт в корне изменил политическую ситуацию в мире. В связи с этим проблемы, возникшие в коммунистическом, либеральном, антифашистском движениях США, заставили многих американцев размышлять не только о причинах и последствиях Пакта, но вновь задуматься над сущностью социалистического государства. Активно в этот период работала Специальная комиссия палаты представителей Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности под руководством М. Дайса, привлекая к слушаниям американских коммунистов представителей «левых» организаций⁷.

Характеризуя сдержанное отношение к СССР сторонников Рузвельта в Конгрессе, следует учитывать позицию самого президента. В качестве внешнеполитической стратегии выхода Соединенных Штатов из кризиса, как пишет российский историк В.В. Согрин, Рузвельт избрал экономические договоры с заинтересованными государствами. Среди них оказался СССР. Феномен советско-американских отношений 1930-х гг. объясним конкретно историческими реалиями 1930-х гг. и личной позицией Ф.Д. Рузвельта, продемонстрировавшего незаурядную волю в преодолении американских стереотипов в отношении Советского Союза⁸.

По мнению американского исследователя У. Гербердинга, президент и после заключения советско-германского договора о ненападении продолжал верить, что Советский Союз в конце концов окажется

⁷ *Ogden A.R.* The Dies Committee. A Study of Special House Committee For the Investigation of Un-American Activities, 1938—1944. Washington (D.C.), 1945. P. 153—156.

⁸ *Согрин В.В.* Американская двухпартийность. От Джорджа Вашингтона до Джо Байдена. М., 2022. С. 105.

в лагере демократических стран⁹. Одновременно Рузвельт считал, что нацистская Германия представляет большую опасность для позиций США в мире, чем любая другая страна, и в частности СССР¹⁰.

Ввод советских войск в Польшу не поколебал этих представлений Ф.Д. Рузвельта. По свидетельству госсекретаря США Корделла Хэлла, он не желал ставить Советский Союз в один ряд с Германией и предпринимать какие-либо акции, толкающие СССР в германские объятия¹¹. Президент также не счел нужным официально реагировать на создание советских военных баз в Прибалтийских странах в октябре—ноябре 1939 г.¹²

Второго ноября 1939 г. в сенате началось обсуждение изменений в Законе о нейтралитете, которые были предложены в резолюции сенатора-демократа К. Питтмена, председателя сенатского Комитета по иностранным делам. Важной частью развернувшейся после его длительного выступления дискуссии стал вопрос о том, какие страны можно считать нейтральными. Советский Союз был поставлен К. Питтменом в один ряд с Италией, Румынией и Югославией, чей нейтралитет, по его мнению, играл на руку агрессивным планам Германии, позволяя снабжать ее ресурсами, необходимыми для продолжения военных действий¹³.

В обсуждении принял активное участие сенатор-республиканец Уильям Эдгар Бора, занимавший твердую изоляционистскую позицию. Между ним и К. Питтменом завязалась дискуссия, в ходе которой поднимался вопрос о нейтральном статусе Советского Союза. В частности, обсуждая проблему, какие страны считать нейтральными, У. Бора своими едкими высказываниями вызвал смех в зале, поставив под сомнение нейтралитет СССР:

«Мы действительно воплотили в международное право необычную конструкцию. Вы помните, недавно русский генерал вторгся вглубь Польши примерно на 100 миль, захватив территорию с большим количеством польского населения, разрушив некоторые польские города, и объявил миру, что Россия полностью нейтральна»¹⁴.

⁹ Gerberding W.P. Franklin D. Roosevelt's Conception of the Soviet Union in the World Politics. A Diss. Chicago, 1959. P. 50.

¹⁰ Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. New York, 1978. P. 138.

¹¹ The Memoirs of Cordell Hull: in 2 vols. New York, 1948. Vol. I. P. 685.

¹² Gerberding W.P. Op. cit. P. 66.

¹³ Congressional Record 76. Vol. 85. Pt. 1. P. 53.

¹⁴ Ibid. P. 68.

Попытка определить, какие государства являются нейтральными, вызывала сложности, поскольку под действие измененного законодательства о нейтралитете должны попасть страны, которые сотрудничают с воюющими сторонами. Стремление Питтмена определить статус нейтрального государства как невоюющей страны вызвало ироничное возражение У. Бора: «Сенатор думает, что Россия не воюет?» Питтмен ответил: «Я не знаю, сражается она или нет». У. Бора: «Народ Польши знает это». К. Питтмен: «Я думаю, что борьба в старой бедной Польше продолжается». У. Бора: «Да, и Россия помогает этому делу»¹⁵.

У. Бора предположил, что если война затянется на долгий срок, то давление в этом случае на западных союзников окажется достаточно сильным, а Россия будет резервуаром, из которого Германия станет черпать ресурсы¹⁶.

Выступая 4 октября 1939 г. с пространной речью, сенатор-демократ Т. Коннэлли, сторонник резолюции Питтмена, указывал на значительные возможности СССР оказывать поддержку Германии. Он назвал Россию «великой империей», которая «технически» все еще нейтральная, но обладает огромными запасами продовольствия, оружия, боеприпасов, другой военной техники. Все это может стать или уже становится частью военной помощи Германии. Сенатор задался вопросом, если считать эту помощь российского правительства Гитлеру допустимой, то почему Соединенные Штаты не могут оказывать поддержку другим воюющим странам?¹⁷

Т. Коннэлли искал аргументы в пользу отмены эмбарго на протяжении всех дебатов. Так, 14 октября он поставил вопрос — каким образом можно предотвратить передачу воюющим странам закупленных Италией или Россией у США различных видов вооружений, вплоть до бомбардировщиков? Согласно действующему Закону о нейтралитете указанные страны теоретически не могут этого сделать, но на деле существует мало возможностей отследить дальнейший путь закупок. Сенатор называл СССР «все еще технически нейтральной страной», подчеркивая неопределенность и в какой-то степени сомнительность его нейтрального статуса¹⁸.

Именно такая характеристика Советского Союза вызвала интерес Беннета Чемпа Кларка, сенатора-демократа от штата Миссури, придерживавшегося изоляционистских позиций. Он спросил, может ли мистер Коннэлли объяснить сенату, почему Россия является «техни-

¹⁵ Ibid. P. 69.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid. P. 87.

¹⁸ Ibid. P. 438.

чески нейтральной», несмотря на тот факт, что США по-прежнему признают Республику Польшу, «которая подверглась бессмысленному вторжению России в партнерстве с Германией»? Почему президент не издал прокламацию, объявляющую Россию наравне с Германией воюющей стороной?¹⁹

Т. Коннэлли постарался объяснить Кларку свое понимание данной терминологии. По его мнению, Россия вступила на территорию Польши после ее завоевания Германией. Кроме того, Россия не объявляла войну, а также не вела реальных военных операций, которые привели бы к гибели людей и разрушению городов. Никакие другие страны не объявили войну России, поэтому она «все еще технически нейтральна»²⁰.

Важно обратить внимание на тот факт, что сенатор Т. Коннэлли был серьезно обеспокоен экономической поддержкой, которую мог оказать Германии Советский Союз. Характеризуя значительные экономические возможности Германии, Т. Коннэлли подчеркивал, что кроме доступа к рынкам Бельгии, Дании, Голландии и ресурсам «опустошенной и выжженной Польши», у нее есть доступ к «великому резервуару» России, простирающемуся от Балтики до Тихого океана с огромными запасами продовольствия и различных материалов. Сенатор подчеркивал, что у России «есть отличное вооружение, а также много военных заводов. Она полностью экипирована для войны. У нее отличные авиационные заводы, отличные станки для производства бесчисленного количества вооружений»²¹.

Любопытно, что господствующая идеология того или иного государства, по мнению Т. Коннэлли, не является значимой аргументацией в обсуждении вопроса об эмбарго. В своем втором большом выступлении 4 октября он подчеркнул, что его не волнуют идеологии, — американской нации безразлично, какое правительство в Германии. Это вопрос германского государства и его народа. То же самое он высказал в отношении СССР, подчеркнув, что «хотя мы могли бы пожелать, чтобы у них правление, так же как и у нас, было основано на конституции, судах, имели место демократические процессы, свобода слова, печати, вероисповедания, но мы не имеем права силой навязать им нашу волю. <...> Беспокойство вызывает лишь нарушение этими странами границ и международного права»²².

У.Дж. Булоу, сенатор-республиканец, на протяжении долгого времени критиковавший внешнеполитический курс Ф.Д. Рузвельта, 12 ок-

¹⁹ Congressional Record 76. Vol. 85. Pt. 1. P. 438.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibid. P. 88.

²² Ibid. P. 94.

тября, в ходе продолжающихся дебатов фактически поддержал Т. Коннелли по поводу отношения к политическим режимам:

«Если люди в России хотят жить при коммунистической форме правления, пусть они так и делают. Если народ Италии хочет жить при фашистском правительстве — это их дело. Если народ Германии хочет жить при Гитлере, пусть так и делает, пока не устанет от этого. Придет время, этот великий народ восстанет и сбросит ярмо гитлеризма. Так или иначе, это их дело, а не наше»²³.

Тем не менее, из уст сенаторов звучали и негативные оценки политических режимов обсуждаемых стран. Так, 5 октября Л.Б. Швелленбах, демократ, пользующийся доверием Рузвельта, выразил это в весьма резкой форме: «Я, более чем кто-либо другой, не уважаю тоталитарную форму правления, существующую сейчас в Германии и России»²⁴.

Ввод советских войск в Польшу и экономическое сотрудничество Советского Союза с Германией, служившие доказательствами призрачности нейтрального статуса СССР, дополнялись в ходе дискуссий новыми аргументами. Тему возможной агрессии Советского Союза против Финляндии, а в перспективе Норвегии, Швеции и Дании, в ходе дебатов постоянно поднимал тот же сенатор Л.Б. Швелленбах. Ссылаясь на периодическую печать, он конкретизировал возможность советской агрессии:

«Тридцать российских дивизий, насчитывающих около 450 000 человек, сосредоточены вокруг Ленинграда, в двадцати пяти милях от границы Финляндии. Сообщалось также о концентрации советской военно-морских и военно-воздушных сил в районе Кронштадта, который расположен недалеко от побережья Финляндии»²⁵.

Л.Б. Швелленбах, ссылаясь на публикацию в газете «The Washington Evening Star» от 9 октября 1939 г., также обратил внимание на стремление СССР к господству в Балтийском регионе, имея в виду военные, военно-морские и экономические уступки Советскому Союзу, на которые пошли Латвия, Литва и Эстония, что фактически превращает их в вассалов²⁶. Позднее, 14 октября, сенатор говорил о возможных претензиях Советского Союза на Аландские острова, которые принад-

²³ Ibid. P. 312.

²⁴ Ibid. P. 127.

²⁵ Ibid. P. 224.

²⁶ Ibidem.

лежали Финляндии, и в перспективе — на территории Норвегии, Швеции, Дании. В подтверждение своих слов он ссылался на публикации в периодической печати: «Газеты каждый день пишут, что Россия настроена решительно контролировать Балтику, захватить Аландские острова, а потом идти и контролировать Данию, Швецию и Норвегию»²⁷.

В качестве подтверждения своих умозаключений Л.Б. Швелленбах привел информацию из лондонского телеграфного агентства «Daily Telegraph» от 9 октября 1939 г., которая изобиловала устрашающими заголовками: «Войска концентрируются вблизи финской границы», «Финны ищут поддержки», «Красные солдаты в Эстонии». В частности, подробности советско-эстонских договоренностей представлены были следующим образом: «Советские войска численностью около 25 000 человек начали сегодня вечером марш в Эстонию, чтобы занять стратегические острова Эзель и Даго, а также создать военные гарнизоны в соответствии с положениями советско-эстонского Пакта о взаимопомощи. В донесениях из Таллина сообщается, что силы “Красной” армии с наступлением темноты пересекли границу у реки, и что 25 000 солдат будут находиться на эстонской земле на постоянной основе, что приведет к установлению в Эстонии русского военного протектората»²⁸.

Палата представителей Конгресса США обсуждала Закон о нейтралитете в сжатые сроки — 17 октября и 1–3 ноября 1939 г. Аргументация конгрессменов была во многом схожа с доводами сенаторов, но члены нижней палаты Конгресса выступали более эмоционально и резко. В определенной степени этому способствовало изменение внешнеполитической обстановки в Европе в течение октября 1939 г., а также активизация политики СССР в отношении Латвии, Литвы и Эстонии. В частности, 31 октября 1939 г. состоялся доклад В.М. Молотова, председателя Совнаркома и народного комиссара иностранных дел, на заседании Верховного Совета Союза СССР. Советский руководитель дал комплексную оценку внешней политики Советского Союза, охарактеризовал политическую обстановку в Европе, подчеркнув нейтральный статус советского государства в разгоревшемся европейском военном конфликте. Выдержки из речи В.М. Молотова были опубликованы в советских газетах и стали доступны американским законодателям²⁹. Кроме того, в дебатах упоминалось американское судно «The City of Flint», перевозившее английский груз, которое было захвачено немцами 9 октября 1939 г. Советское руководство, несмотря на запросы американского посла

²⁷ Congressional Record 76. Vol. 85. Pt. 1. P. 417.

²⁸ Ibid. P. 225.

²⁹ Правда. 1939. 1 ноября.

Л. Штейнгардта, отрицало причастность Советского Союза в какой-либо форме к данной акции³⁰.

В выступлениях конгрессменов оценки внешнеполитических действий СССР переплетались с негативными оценками политического режима, Советский Союз и нацистская Германия ставились в один ряд. Так, Дж.Р. Мэрдок, конгрессмен-демократ из Аризоны, убеждая слушателей принять изменения в законодательстве о нейтралитете, в первую очередь подчеркнул, что он не защищает английский или французский империализм и не отдаст ни одного американского юношу, чтобы сохранить статус-кво этих стран Великобритании и Франции. Он продолжал:

«Однако, если мы дадим волю грубой силе, если мы дадим свободу этим сумасшедшим из Европы и не снабдим средствами для ведения войны — я вовсе не нейтрален теперь — демократии, когда мы увидим, что Россия остается “нейтральной” и снабжает нацистскую Германию средствами для войны, то мы не выполним свой долг перед собой и человечеством. Мы предали бы нашу веру, подорвали бы нашу веру в закон и порядок, если бы поощряли господство в этом мире антихристианских сил, представленных гитлеризмом и сталинизмом»³¹.

Позиция изоляционистов содержала сходную аргументацию, отрицающую нейтральный статус СССР и подчеркивающую взаимодействие Советского Союза и Германии. Республиканец Р. Грант, конгрессмен от штата Индиана, выступая с длинной речью против изменения Закона о нейтралитете, подчеркивал, что «порывы патриотизма и все соображения подлинного американизма побуждают меня голосовать против отмены эмбарго на оружие, боеприпасы и военное снаряжение»³². Он утверждал, что это — не война американцев. Это европейская война, порожденная вековой ненавистью, классовыми конфликтами, религиозными антагонизмами и пограничными спорами. Европа, по мнению конгрессмена, — бурлящий котел дипломатических интриг и территориальной агрессии. Если Америка вмешается в европейский конфликт, то на столетие погрузится в этот котел, что, несомненно, повлияет на демократию и свободы в Соединенных Штатах. Р. Грант характеризовал события сентября 1939 г. как жестокую агрессию Германии и России против независимой Польши, и как «одно из величайших международных преступлений в истории

³⁰ *Langer W.L., Gleason S.E. The Challenge to Isolation, 1937–1940. New York, 1952. P. 328.*

³¹ *Congressional Record 76. Vol. 85. Pt. 2. P. 1244.*

³² *Ibid. P. 1220.*

человечества»³³. Долг Америки состоит в том, утверждал Р. Грант, чтобы оказать помощь «жертвам этого преступления» самым существенным образом, а именно, только продовольствием, одеждой и защитными материалами, что возможно благодаря огромному производственному потенциалу США. Если Америка втянется в войну, то эти возможности будут немедленно утрачены³⁴.

Критикуя предложения Питтмена, Р. Грант старался убедить конгрессменов, что поправки в Закон о нейтралитете дадут решающее преимущество Германии и России в текущем военном конфликте. Он, в частности, сказал: «Каковы бы ни были наши симпатии, мы не можем себе позволить ввергнуть страну в европейскую войну. Своим участием мы ничего не урегулируем, но многое потеряем»³⁵. Конгрессмен допустил резкие высказывания в адрес внешней и внутренней политики Советского Союза, поставив его в один ряд с Германией: «Гитлера и Сталина нельзя успокоить предложениями компромисса. Польша, опустошенная и распятая, стала жертвой бессмысленной агрессии. Австрия, Богемия и Моравия были захвачены, а их народы подверглись самому варварскому и бесчеловечному обращению. <...> Индивидуальная свобода исчезла в Германии и в России»³⁶.

Любопытно, что, приводя аргументы «за» и «против» изменения Закона о нейтралитете, сторонники и противники отмены эмбарго зачастую опирались на одни и те же аргументы. Так, Дж.Ч. Шафер, конгрессмен от штата Висконсин, республиканец, вступив в полемику со сторонником Ф.Д. Рузвельта конгрессменом-демократом Дж.У. Маккормаком из штата Массачусетс, напомнил слова Маккормака, что те, кто возражает против отмены эмбарго на поставку оружия, «присоединяются к безбожным, кровавым, “красным” коммунистическим палачам в Москве»³⁷. Обращаясь к своему опыту борьбы с «красной угрозой», Дж.Ч. Шафер высказывался следующим образом: «В течение многих лет в Конгрессе и вне его стен я активно выступал против коммунистической деятельности в Америке и разоблачал ее. Я не изменил своей позиции, как это сделал джентльмен из Массачусетса, который сейчас выступает за отмену эмбарго на поставки оружия. Я последовательно выступал против отмены эмбарго на поставки оружия в прошлом, и сейчас также выступаю против»³⁸. Дж.Ч. Шафер также обрушился с критикой на позицию Рузвельта:

³³ Congressional Record 76. Vol. 85. Pt. 2. P. 1220.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid. P. 1244.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibid. P. 1275.

³⁸ Ibidem.

«Можем ли мы ожидать, что наш президент Нового курса определит состояние войны? В Китае уже много месяцев бушует кровопролитная война. Коммунистические силы “красной” России вторглись и овладели примерно половиной Польши, а наш президент Нового курса так и не смог обнаружить, что Китай или Польша находятся в состоянии войны, поэтому он не смог распространить оружейное эмбарго на Японию и Россию, как того требует наш действующий закон»³⁹.

Кроме того, опасаясь коммунистического влияния в Америке, конгрессмен ставил в вину Рузвельту дипломатическое признание СССР в 1933 г., американско-советское экономическое сотрудничество, а также обнаружил подражание «плановой советской экономике» и «регламентированной бюрократии»⁴⁰.

Республиканец из штата Огайо Т.А. Дженкинс увидел в активности Советского Союза потенциальную угрозу Гитлеру и сделал вывод, что в перспективе Германии лучше сотрудничать с Англией и Францией, чем с Россией:

«Русский коммунизм, как крадущийся кот, ползет по Европе. Гитлер, прислушиваясь к своему глупому желанию занять видное место в немецкой истории, упускает из виду врага, которому он позволяет войти через черный ход. Он впускает в Германию влияние, которое бросит вызов лучшему, что есть в будущих поколениях немецкого народа, какими бы замечательными они ни были. Они не будут жить с русским атеистическим коммунизмом, и вскоре Гитлер обнаружит, что его народу гораздо легче ладить с французами и англичанами, чем с тем, что представляет Сталин»⁴¹.

В ходе дебатов в нижней палате Конгресса США звучала резкая критика в адрес Великобритании и Франции, военные миссии которых вели переговоры с советским руководством весной—летом 1939 г. Конгрессмен Дж.Ч. Шафер, напоминая, что всего несколько недель назад британцы решили заключить тройной наступательный и оборонительный союз между Россией, Францией и Англией, обвинил их в косвенной поддержке действий Советского Союза: «Почему Англия и Франция, утверждающие, что борются за сохранение демократии, занимают позицию, согласно которой после окончания войны русский медведь может сохранить за собой половину отнятой им Польши?»⁴²

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibid. P. 1277.

⁴¹ Ibid. P. 1286.

⁴² Ibid. P. 1277.

Таким образом, нейтральный статус Советского Союза осенью 1939 г. стал важным предметом дискуссии американских законодателей в течение специальной сессии 76-го Конгресса США в октябре—ноябре 1939 г. СССР рассматривался как важный фактор европейской и в целом мировой политики. Сторонникам Рузвельта необходимо было подчеркнуть нейтральный статус СССР, даже определив его как «технический», а изоляционистам — опасную активность «нейтральных» государств, включая Советский Союз. Дебаты отражали различные представления в американском общественном мнении о внешнеполитическом курсе советского государства и его внутренней политике, которые были использованы американскими сенаторами и конгрессменами для отстаивания своих позиций по вопросу изменения законодательства о нейтралитете. В целом можно сделать вывод, что сам факт принятия изменений в Закон о нейтралитете свидетельствует, что большая часть американских законодателей, несмотря на резкие оценки внешнеполитической активности Советского Союза, звучавшие в ходе дебатов, полагала, что нейтралитет СССР в сложившейся ситуации не представляет сколько-нибудь значимой угрозы для стран, противостоящих нацистской Германии.